

● 6 января 1982 г. Среда.

● К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ИВАНА ОЛЬБРАХТА

Большой друг Верховины

Край, ставший ему родным

СОЛНЕЧНЫМ днем 1931 года в далекое горное село Колочава приехал чешский писатель и публицист Иван Ольбрахт. И с тех пор и до поздней осени 1936 года он накрепко связал свою творческую биографию с Верховиной. Все свое творчество 30-х годов Иван Ольбрахт посвятил Закарпаты, его проблемам, трудностям края. Книги «Земля без имени», «Николай Шугай, разбойник», «Горы и столетия», «Голет в долине», кинофильм «Неверная Марийка» — это летопись Верховины того времени, когда экономический кризис 30-х годов привнес небывалые размеры в центре Европы и довел и без того изможденную Верховину до предела.

Писатель коммунистического мировоззрения, убежденный борец, Иван Ольбрахт стал постоянным другом закарпатцев, поэтому неслучайно живет в крае благодарная память о нем, о его большом писательском сердце.

Сын писателя — демократа А. Земана, известного под псевдонимом Антала Сташека, он уже учащимся гимназии писал заметки в рабочие газеты. А будучи студентом Пражского университета, принимал участие в рабочих демонстрациях, митингах, в частности, в массовых политических выступлениях — отголоске русской революции — в 1905 году.

Камил Земан, избирающий себе псевдоним Иван Ольбрахт, пробует сначала силы в разных жанрах: пишет стихи, прозаические произведения. В них раскрывается талант Ольбрахта-сатирика.

В январе 1920 года Ольбрахт едет в Советскую Рос-

сию и здесь в течение шести месяцев настойчиво трудится, принимая участие в работе второго Конгресса III Интернационала, Центрального бюро Чехословацкой коммунистической партии в России. Возвратившись на родину, Ольбрахт полностью отдается политической работе, выступает против правых социал-демократов, которые шли на соглашение с буржуазией, принимает участие в революционных декабрьских событиях Чехословакии в 1920 году, в создании Коммунистической партии и ее печатного органа «Руде право».

В 1928 году Ольбрахт создает роман «Анна — пролетарка», который внес в чешскую литературу новую проблематику и новые аспекты уже существующей рабочей тематики.

За свою политическую деятельность Ольбрахт дважды подвергался тюремному заключению. Впервые — в 1924 году, когда в десятилетие возникновения первой мировой войны он провозгласил на митинге в Силезской Остраве речь против империалистических войн. На материале двухмесячного заключения в остравской тюрьме позже была написана очень оригинальная книга «Закаленное зеркало» (1930). Во второй раз пришлось ответить «свободы» власти Масарика в 1928 году — за опубликование в газете «Руде право» статьи В. И. Ленина «Советы постороннего».

Итак, приехав в Закарпатье, Ольбрахт имел уже немалый жизненный и литературный опыт, опыт пролетарской борьбы. Правда, буржуазные литераторы пытались утверждать, что Ольбрахт, «выехав в Подкарпатскую Русь (тогдашнее официальное название

Закарпатья), бежал на лоно природы, побоявшись политической борьбы в сердце республики». На самом же деле Закарпатья, как это впоследствии доказал Ольбрахт, было как раз центром величайших бед и горя всей Европы. Он явился инициатором организованного при чехословацкой секции Международной рабочей помощи «Комитета спасения трудящихся Подкарпатской Руси», который возглавил ученый-гуманист З. Неелли. Призывы комитета помочь голодающим Закарпатья помещались в прогрессивной печати, их подписывали не только передовые деятели Чехословакии, но и А. Барбюс и К. Цеткин.

В Праге, в Ужгороде Ольбрахт часто выступал перед интеллигенцией и разоблачал колониальную политику чешской буржуазии в Карпатах. И впоследствии сюда не перестают приезжать делегации, а потоки информации с Верховины власти предупреждали не в силе были поставить никаких преград. Им становилось все труднее, потому что они уже, как писал Ольбрахт, не имели такой возможности сосать кровь из бедного человека без огласки, а Закарпатье не «было уже для них Эльдорадо, где они крали и наживались в божественной безопасности». И вокруг Ольбрахта сгущаются тучи. Начинаются нападки на его роман «Николай Шугай, разбойник». Особенно не унимается начальник отделения печати в Ужгороде господин Рудольф Крил. Он начинает писать «Антишугая», чтобы доказать, что колочавакский опришек — типичный вор, а не защитник прав бедных и обездоленных.

Однако Ольбрахт не сдается. Он дает отпор всем, кто пытается обелить колониальную политику господ на Верховине. В защиту творчества Ольбрахта выступает передовая Чехословакия и в первых рядах — Юлиус Фучик, известный критик Шальда и другие. И как ни распоясались буржуазные наемники, все же произведение об опришке Верховины взяло свое: ему была присуждена государственная премия. А это вызвало новый приступ ярости у врагов Ольбрахта. Начинаются дальнейшие нападки на произведение.

Ни один роман того времени не вызывал такой бурной реакции, горячей полемики, продолжавшейся несколько лет. Полемика велась даже между разными печатными органами жандармерии — «Четнички обзор» и «Четнички листы». Ольбрахт прекрасно понимал, что за выступлением жандармов в печати стоят «более крупные господа», которыми не по вкусу социально-разоблачительный пафос романа. Что именно они и добились изъятия произведения из школьных библиотек, запретили доступ первого украинского перевода романа, осуществленного в 1934 году во Львове.

Защищая Ольбрахта, передовые литераторы давали отпор наступлению реакции. «Николай Шугай, разбойник» — это «прекрасный дар современной чешской поэзии», — писал А. М. Пиша. «Произведение редкой силы и красоты» (Ю. Фучик). «Произведение, достигшее мировых образцов» (Б. Вацлавек).

Летом 1933 года Ольбрахт приезжает на Верховину со своими друзьями: писателем и режиссером Владиславом Ван-

чурой и писателем Карелом Новым. Они и начали работу над первым закарпатским художественным фильмом «Неверная Марийка». В фильме заняты простые верховинцы из Колочава, Синевиря и других окрестных сел.

В фильме Ольбрахт провел звенья хорошо обдуманной цепи: большие господа в Праге, меньшие — в лесной управе, на их службе; защитники их интересов и прибылей — жандармы, далее — в селе: торговцы — ростовщики и керен, также наживающиеся на тяжелом лесорубском труде.

Это был смелый эксперимент, и фильм еще и поныне вызывает большие эмоции.

В 1935 году Иван Ольбрахт переиздает свою первую книгу очерков из жизни Закарпатья «Земля без имени» (она вышла в Праге в 1932 г.) под названием «Горы и столетия». К этому изданию писатель прилагает целый ряд очерков, среди них и широкоизвестный — о тяжелом деле Анны Буркало. А через два года Ольбрахт выпускает следующую свою книгу на закарпатскую тематику «Голет в долине» (украинский перевод С. Панько «Сумі очі Ганин Караджичево», «Карпати», 1973 г.).

Иван Ольбрахт в полную силу своего таланта воспел карпатский край, ставший его родным, показал миру трагедию трудящихся под сапогом буржуазии. Закарпатский период его творчества был, как никогда, плодотворным. Он ознаменовал собой новый творческий взлет писателя, обогатил не только чешскую, но и общечеловеческую культуру прекрасными жемчужинами художественной литературы.

Н. КОПЫСТЯНСКАЯ,

кандидат филологических наук, доцент Львовского государственного университета им. Ивана Франко.

СЛОВО ДРУЗЬЯМ ИЗ ЧССР:

Владислав ГНИЗДО,
профессор, Ольбрахтовец,
г. Прага;

— В минувшем году погостим августовским днем в Колочава, где в 1936 году родился и работал Иван Ольбрахт. Ходил по тем же долинам, что и мой земляк. Но не это волновало больше всего. Люди, Колочава, которые при первом же слове Ольбрахта загораются такой-то непередаваемой радостью: «Он же не один год в нашем селе жил», — говорили они. И говорили это отнюдь не похилье, а люди среднего возраста, молодые, которые, разумеется, не могли видеть писателя. Однако насильно были об Ольбрахте от своих отцов, дедов и это стало для них как бы дорогой легендой. А уж те, кто постарше, так те просто не отпускали. Обязательны показывали куст старого Гайсера, где жил писатель, поминали Дарвайку, Стрымбу, где он побил разбивать палатку. А на о своих встречах с Ольбрахтом становилось говорить, так их рассказы накупились такими живыми, словно только вчера и состоялись эти встречи.

Словом, я глубоко убедился, что Ольбрахт живет в сердцах колочавак.

До глубины души рад, что друзья наши, народы, наши кусты имеют глубокий, истинный, а Иван Ольбрахт в этом братском единении разрознен и вневременным расщепленным деревом.

Франтишек ТОВАРЕК, почетный член пенкопации Голубиной, писатель, г. Бачинько;

— Мне выпало быть в Колочава тогда же, когда и Ольбрахту, — в 1936 году. Взялся на полонину Дарвайку, любилась прекрасной женщиной, а в то же время унаследовал земному аду не только в самой Колочава, но и в других верховинских селах. В те времена я, молодой учитель, работал в Голубином на Свалявщине — в школе. Произведения Ольбрахта произвели на меня большое впечатление. Особенно «Земля без имени» и «Николай Шугай, разбойник». И не только потому, что написаны они на высоком художественном уровне, но и потому, что жизнь, которую воссоздал Ольбрахт, я имел возможность проникнуться в Колочава.

В советское время я очень часто навещал в те края, ставшие с давних пор для меня родными — на Свалявщину. Однако не упускаю возможности глянуть и на Колочава. Недавняя моя поездка в этот поселок значительно обогатила мои прежние впечатления, которые я непосредственно постигал из книг на бумаге.

Много лет во мне живет душа Колочава, а вместе с ней и мой и ваш, дорогие братья-закарпатцы, Иван Ольбрахт, Анна СЛАПОШНИЦКАЯ, пенсионерка, Бачинько.

Родился я на Верховине, в Вышнем Быстром бывшего Волоского, ныне Межгорского района. В конце же 30-х годов оказалась в родных краях моего мужа. Ныне в день столетия юбилей Ивана Ольбрахта, я невольно переношусь в то далекое время, когда чешский писатель вместе с Владиславом Ванчурой и Карелом Новым руководили съемками фильма, в центре которого — закарпатцы, а именно Шкальба (это моя девичья фамилия), исполняя роль невесты Марийки. Благодаря Ивану Ольбрахту я, простая верховинка из бедной многодетной семьи (всех нас было восемь), получила возможность участвовать в съемках кино.

Ольбрахт был доволен моей игрой и очень хотел, чтобы я училась на актрису, с финансами он, значит, поможет. Но разве отец мог согласиться на то, чтобы я, старшая в семье, ушла из дому? Кто помогал бы тогда по хозяйству? Нет, не пришлось мне учиться, тогдашние невыносимые условия республики господ не дали.

Низко склоняюсь перед светлой памятью человека, который в те далекие горные времена задал добром мою родную Верховину.

говорится, наравдаться, что снова, да еще после такой во-
енной бури, встретились все
вместе.

С того далекого прощально-

ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН

НЕ ТА НЫНЧЕ Колочава, что была во времена Ивана Ольбрахта. Она расцвела так, как мечтал великий чешский писатель — друг нашей Верховины. Свободно и вольно!

Когда Ольбрахт жил и творил в нашем селе, это был край голода, горя и смерти. Недаром писатель назвал Колочава селом XI столетия. Деревянный самодельный плуг, курные деревянные хатки, в которых вместе с людьми жили и животные: овечки, козы. Почти все село неграмотное, вместо подписей ставили крестики. Каждый день в Колочава и ее окрестностях умирали от голода по 3—5 человек. Черкonné колокола не переставали раскачивать могучие окрестные горы. Скорбные колокола смерти...

Такой была Колочава в те далекие досветские горькие времена. Право на жизнь находилось в руках эксплуататоров. Нотарь, староста, поп и еще с десяток ростовщиков и богачей владела половиной земли из общего 1700-гектарного надела, а вторая уже половина приходилась на семью бедняков, которых насчитывалось более 500.

В Колочава были только начальные школы, за партами которых иногда сидели дети бедноты, так как не всегда родители могли обути и одеть своих школьников. Колочава не имела никакого медицинского обслуживания.

Все эти страшные социальные муки не могли не возмущать Ивана Ольбрахта. Именно они и легли в основу его произведений, которые наша Колочава (новая уже Колочава) читала, читает и будет читать.

Ольбрахт ходил по улицам нашего села тогда, когда по обе стороны стояли низкие подслеповатые хибарки, когда ему навстречу шли полуголые, босые жители. Ныне по нашим улицам, вдоль которых красуются светлые дома, шагают счастливые советские трудяники местного колхоза «Радянське Закарпаття», лесоводы, рабочие, учащиеся, молодежь.

Да, те беды стали для нас лишь воспоминанием. И канули навечно в прошлое!

Действительность же наша — светла и радостна. Дети наших тружеников получают образование в просторных классах советской школы. Работают у нас две восьмилетние, одна десятилетняя и четыре начальные школы. Около двухсот наших односельчан получили высшее образование, а выходцы из Колочава Василий Бецца и Димитрий Москаль — кандидаты наук. Первый — юрист, второй — физик.

В поселке действует межшкольный учебно-производственный комбинат, в котором 250 старшеклассников овладевают профессией водителя, токаря, швеи. Комбинат дает хорошее пополнение прежде всего для колхоза «Радянське Закарпаття», а также для других организаций и служб поселка.

Как я уже упоминал, в старые времена колочавак знали только одно «письмо» — крестик. Для нынешней Колочава открыто пять библиотек (кроме школьных). Их общий фонд — почти сорок тысяч экземпляров книг, а постоянных читателей — свыше пяти тысяч.

Иван Ольбрахт рассказал миру о печальной судьбе одинокой Анны Буркало (мужа и сына отняла у нее мировая война), которая пешком ходила в Ужгород, Хуст, Севлюш (тогдашнее название Виноградова) по своему пенсионному делу. Но все было напрасно — Австрия — Венгрия распалась и канула в небытие, а, следовательно, и казна, из которой надлежало выплачивать за утраченных на войне пенсию. Почти десять лет водили за нос неграмотную женщину нотаря, староста и другие служащие, обещая ей пенсию и выманивая у нее деньги (бедная Анна Буркало продавала и коровенку, и все, что было в доме и при доме). И только тогда, когда вмешался Ольбрахт, отступили кровопийцы. Писатель добился инвалидной пенсии для бедной женщины. Но она вскоре умерла.

В Колочава живут племянники

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ 1933-ий

МЫ С БРАТОМ косили полонину, когда в нашу синевирскую хату зашел Ольбрахт. И только вечером, когда мы вернулись с косовицы, мать говорит: «Был у нас какой-то господин из Праги, хотел с тобой говорить». Он оставил записку: просил навеститься в Колочава, на квартиру сельского лавочника Герши Бера. Признаться, это меня очень взволновало, ведь имя Ивана Ольбрахта, который и оставил на записке ровно выведенный свой автограф, в то время было уже известно далеко за пределами Чехословакии, к которой принадлежал и наш карпатский край. И чуть начало светать, чуть поднялась утренняя заря над полонинами Герговища, я уже шел в Колочава.

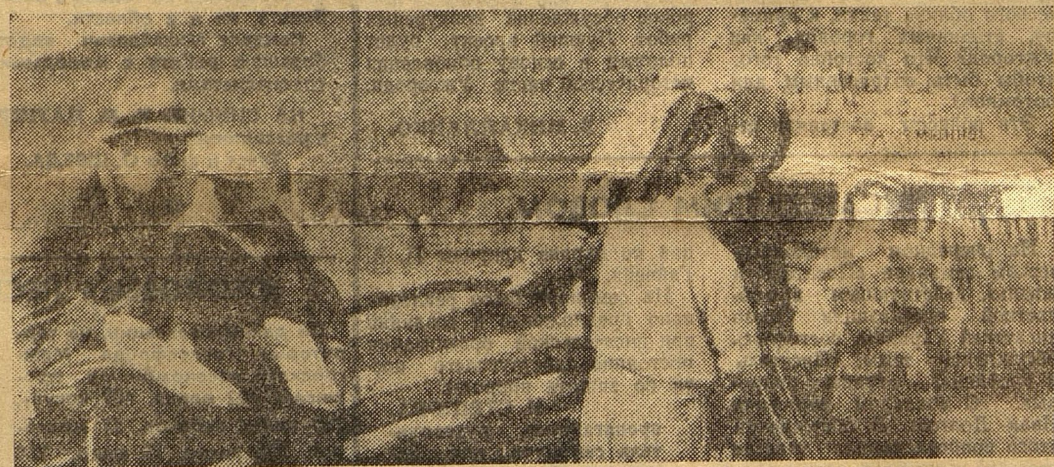
Ольбрахт обычно жил у сельского столара Пинхуса Глейзера. Однако сейчас, когда к нему приехали и друзья из Праги, ему пришлось переехать на другую квартиру. Более просторную, к Бери. Я постучал в дубовую дверь, из-за которой прозвучал баритон: «Вольно, вольно».

— Здравствуйте, — поздоровался я. — Меня зовут Николай Скира. Я из Синевира...

На меня смотрели двое. И один из них, худощавый, амиг оживился и воскликнул:

— Камил, так ведь это и есть наш Данило из будущего фильма. Синие глаза, русый...

Такая несколько непонятная для меня встреча еще более усилила мое волнение. Однако вскоре, как говорится, все встало на свои места. Камил Земан, то есть Иван Ольбрахт, задумал снимать первый «ру-

синский» фильм «Неверная Марийка». А этот худощавый — писатель Карел Новый, уже и сценарий на основе новеллы Ольбрахта подготовил. Вот он должен приехать известной уже в то время кинорежиссер и писатель Владислав Ванчура и привезти из пражской киностудии «добро» на съемки фильма. А кинооператор Ярослав Блажек с помощником и продюсером господином Колда уже прохаживались по улицам Колочава, подыскивая лучшие места для съемок.

Однако я смутился. — Как это сниматься в роли любовника Марийки Данила? — переспросил я. — Разве я артист?

Ольбрахт на это ответил:

— Как раз артистов нам и не надо. Мы хотим снять жизнь горя, а не профессиональную игру. И ты, Николай, нам в этом поможешь...

Были еще каникулы, однако в моем распоряжении оставалось не так много свободных от учебы дней. Я уже считался второклассником Ужгородской учительской семинарии. Поэтому мои сцены снимали в первую очередь.

К съемкам «Неверной Марийки» были привлечены и другие жители Колочава и окрестных сел: Анна Шкальба из Вышнего Быстрого, бабушка Двордяка из Колочава, керен Дербак, тоже из этого села, и другие.

Иван Ольбрахт присутство-

вал на съемках каждый день. Давал свои советы, а иногда настаивал и на повторении отдельных сцен. Помню, как сцена ссоры с Петром Бирчаком, мужем моей любимой Марийки, у меня не очень клеилась. Петр должен был сбросить меня в реку с бокора, и я должен был тонуть. Вода, хотя еще и стоял август, на Верховине уже была холодная, и я тут же должен был переодеваться. Ольбрахт, вспоминается мне, сбросил с себя серый свой пиджак и накинул на меня, приговаривая: «Погрейся, Николай, еще раз надо попробовать...».

Потом были павильонные съемки на пражской студии «Баррандов», где мудрое сло-

во Ольбрахта было также всегда в фокусе работы.

Впоследствии, когда уже «Неверная Марийка» собирала тысячи и тысячи зрителей, мы снова довелось встретиться с Ольбрахтом. В 1936 году он приехал на Верховину не один, как раньше, а с женой Ярославой. Я, тогда уже учи-

тель Волоской народной (начальной) школы, с другом Петром Шкирой провели с докторскими гостями не один летний день на полонинах Герговища, где у каждого из нас было временное жилище — палатка.

Все встречи с Ольбрахтом дороги мне. А та, первая, в 1933 году, — самая дорогая. И, наверное, потому, что я своим скромным трудом помог Ольбрахту в его творчестве — в рождении фильма «Неверная Марийка».

Ольбрахт дождал до нашего освобождения и воссоединения с родной матерью — Советской Украиной в семье братских народов СССР. Правда, уже не смог приехать на нашу землю — не позволило состояние здоровья. Но своим сердцем он навсегда остался среди нас, горалей, — так любовно он называл жителей наших высоких гор.

Ольбрахт был доволен моей игрой и очень хотел, чтобы я училась на актрису, с финансами он, значит, поможет. Но разве отец мог согласиться на то, чтобы я, старшая в семье, ушла из дому? Кто помогал бы тогда по хозяйству? Нет, не пришлось мне учиться, тогдашние невыносимые условия республики господ не дали.

Н. СКИРА,
участник съемок фильма
«Неверная Марийка», учи-
тель-пенсионер,
с. Вонигово
Тячевского района.

НА СНИМКЕ: Иван Ольбрахт и Владислав Ванчура на съемках фильма «Неверная Марийка» в Колочава в 1933 году. За камерой — оператор Ярослав Блажек.

Ольбрахт дождал до нашего освобождения и воссоединения с родной матерью — Советской Украиной в семье братских народов СССР. Правда, уже не смог приехать на нашу землю — не позволило состояние здоровья. Но своим сердцем он навсегда остался среди нас, горалей, — так любовно он называл жителей наших высоких гор.

Ольбрахт был доволен моей игрой и очень хотел, чтобы я училась на актрису, с финансами он, значит, поможет. Но разве отец мог согласиться на то, чтобы я, старшая в семье, ушла из дому? Кто помогал бы тогда по хозяйству? Нет, не пришлось мне учиться, тогдашние невыносимые условия республики господ не дали.

Низко склоняюсь перед светлой памятью человека, который в те далекие горные времена задал добром мою родную Верховину.

говорится, наравдаться, что снова, да еще после такой во-
енной бури, встретились все
вместе.

С того далекого прощально-

ДАДА КАМИЛ

ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН

НЕ ТА НЫНЧЕ Колочава, что была во времена Ивана Ольбрахта. Она расцвела так, как мечтал великий чешский писатель — друг нашей Верховины. Свободно и волю!

Когда Ольбрахт жил и творил в нашем селе, это был край голода, горя и смерти. Недаром писатель назвал Колочава селом XI столетия. Деревянный самодельный плуг, курные деревянные хатки, в которых вместе с людьми жили и животные: овечки, козы. Почти все село неграмотное, вместо подписей ставили крестики. Каждый день в Колочае и ее окрестностях умирали от голода по 3—5 человек. Церковные колокола не переставали раскачивать могучие окрестные горы. Скорбные колокола смерти...

Такой была Колочава в те далекие довоенные горькие времена. Право на жизнь находилось в руках эксплуататоров. Нотари, староста, поп и еще с десяток ростовщиков и богатей владели половиной земли из общего 1700-гектарного надела, а вторая уже половина приходилась на семьи бедняков, которых насчитывалось более 500.

В Колочае были только начальные школы, за партами которых иногда сидели дети бедноты, так как не всегда родители могли обути и одеть своих школьников. Колочава не имела никакого медицинского обслуживания.

Все эти страшные социальные муки не могли не взволновать Ивана Ольбрахта. Именно они и легли в основу его произведений, которые наша Колочава (новая уже Колочава) читала, читает и будет читать.

Ольбрахт ходил по улицам нашего села тогда, когда по обе их стороны стояли низкие подслеповатые хибарки, когда ему навстречу шли полуголые, босые жители. Нине по нашим улицам, вдоль которых красуются светлые дома, шагают счастливые советские труженики местного колхоза «Радянське Закарпаття», лесоводы, рабочие, учащаяся молодежь. Одну из новых наших улиц в честь Ольбрахта мы и назвали его именем. А в общем Ольбрахта мы по праву считаем почетным жителем нашей Колочавы. Он заслужил это право. Жизнью. Творчеством. Борьбой!

Наша новая советская Колочава — это полное осуществление мечты Ивана Ольбрахта. Старожилы вспоминают, как в 1936 году чешский писатель-коммунист прошался с селом, и сказал такие слова: «Хотел бы я, друзья мои, встретиться с вами через пятьдесят — двадцать лет. Уверен, что все ваши беды, которыми полна Колочава, останутся только воспоминанием».

Да, те беды стали для нас лишь воспоминанием. И канули навечно в прошлое! Действительно же наша — света и радости. Дети наших тружеников получают образование в просторных классах советской школы. Работают у нас две восьмилетние, одна десятилетняя и четыре начальные школы. Около двухсот наших одноклассников получили высшее образование, а выходцы из Колочавы Василий Бецца и Дионизий Москаль — кандидаты наук. Первый — юрист, второй — физик.

В поселке действует межшкольный учебно-производственный комбинат, в котором 250 старшеклассников овладевают профессией водителя, токаря, швеи. Комбинат дает хорошее пополнение прежде всего для колхоза «Радянське Закарпаття», а также для других организаций и служб поселка.

Как я уже упоминал, в старое времена колочанцы знали только одно «письмо» — крестик. Для нынешней Колочавы открыто пять библиотек (кроме школьных). Их общий фонд — почти сорок тысяч экземпляров книг, а постоянных читателей — свыше пяти тысяч.

Иван Ольбрахт рассказал миру о печальной судьбе одинокой Анны Буркало (мужа и сына отняла у нее мировая война), которая пешком ходила в Ужгород, Хуст, Севлюш (тогдашнее название Виноградова) по своему пенсионному делу. Но все было напрасно — Австрия — Венгрия распалась и канула в небытие, а следовательно, и казна, из которой надлежало выплачивать за утраченных на войне пенсию. Почти десять лет водили за нос неграмотную женщину нотари, староста и другие служащие, обещая ей пенсию и выманивая у нее деньги (бедная Анна Буркало продала и коровенку, и все, что было в доме и при доме). И только тогда, когда вмешался Ольбрахт, отступили кровопийцы. Писатель добился инвалидной пенсии для бедной женщины. Но она вскоре умерла.

В Колочае живут племянницы Анны Буркало, которым наша советская действительность открывает все пути — дороги к счастью. Живут ее одноклассники, новое поколение, на груди которых красуются ордена, медали и другие награды за добросовестный труд.

Современная Колочава, обновленная, счастливая, своим памятным сердцем, своим плодотворным трудом сплетает венки глубокого уважения Ивану Ольбрахту в день его столетнего юбилея.

А. ЦАРЕНКО, председатель исполкома Колодавского поселкового Совета народных депутатов Межгорского района.

дела. Писатель коммунистического мировоззрения, убежденный борец. Иван Ольбрахт стал настоящим другом закарпатцев, поэтому неслучайно живет в крае благодарная память о нем, о его большом писательском сердце.

Сын писателя — демократа А. Земана, известного под псевдонимом Антала Стасека, он уже учащимся гимназии писал заметки в рабочие газеты. А будучи студентом Пражского университета, принимал участие в рабочих демонстрациях и митингах, в частности, в массовых политических выступлениях — отголоске русской революции — в 1905 году.

Камилл Земан, избирающий себе псевдоним Иван Ольбрахт, пробует поначалу силы в разных жанрах: пишет стихи, прозаические произведения. В них раскрывается талант Ольбрахта-сатирика.

В январе 1920 года Ольбрахт едет в Советскую Рос-

сию и новые аспекты уже существующей рабочей тематики. За свою политическую деятельность Ольбрахт дважды подвергался тюремному заключению. Впервые — в 1924 году, когда в десятилетие возникновения первой мировой войны он провозгласил на митинге в Силезской Остраве речь против империалистских войн. На материале двухмесячного заключения в остравской тюрьме позже была написана очень оригинальная книга «Закаленное зеркало» (1930). Во второй раз пришлось отвечать «свободы» власти Масарика в 1928 году — за опубликование в газете «Руде право» статьи В. И. Ленина «Советы постороннего».

Итак, приехав в Закарпатье, Ольбрахт имел уже немалый жизненный и литературный опыт, опыт пролетарской борьбы, опыт пролетарской борьбы. Правда, буржуазные литераторы пытались утверждать, что Ольбрахт, «выехав в Подкарпатскую Русь (тогдашнее официальное название

В Праге, в Ужгороде Ольбрахт часто выступал перед интеллигенцией и разоблачал колониальную политику чешской буржуазии в Карпатах. И впоследствии сюда не перестают приезжать делегации, а потому информации с Верховины власти предпочитают не в силах были поставить никаких преград. Им становилось все труднее, потому что они уже, как писал Ольбрахт, не имели такой возможности сосать кровь из бедного человека без огласки, а Закарпатье не было уже для них Эльдorado, где они крали и наживались в божественной безопасности». И вокруг Ольбрахта сгущаются тучи. Начинаются нападки на его роман «Николай Шугай, разбойник». Особенно не унимается начальник отделения печати в Ужгороде господин Рудольф Крил. Он начинает писать «Антишугая», чтобы доказать, что колодавский опришек — типичный вор, а не защитник прав бедных и обездоленных.

В Праге, в Ужгороде Ольбрахт часто выступал перед интеллигенцией и разоблачал колониальную политику чешской буржуазии в Карпатах. И впоследствии сюда не перестают приезжать делегации, а потому информации с Верховины власти предпочитают не в силах были поставить никаких преград. Им становилось все труднее, потому что они уже, как писал Ольбрахт, не имели такой возможности сосать кровь из бедного человека без огласки, а Закарпатье не было уже для них Эльдorado, где они крали и наживались в божественной безопасности». И вокруг Ольбрахта сгущаются тучи. Начинаются нападки на его роман «Николай Шугай, разбойник». Особенно не унимается начальник отделения печати в Ужгороде господин Рудольф Крил. Он начинает писать «Антишугая», чтобы доказать, что колодавский опришек — типичный вор, а не защитник прав бедных и обездоленных.

Защитная Ольбрахта, переводные литераторы давали отпор наступлению реакции. «Николай Шугай, разбойник» — это «прекрасный дар современной чешской поэзии», писал А. М. Пшша. «Произведение редкой силы и красоты» (Ю. Фучик). «Произведение, достигающее мировых образцов» (Б. Вацлавек).

Летом 1933 года Ольбрахт приезжает на Верховину со своими друзьями: писателем и режиссером Владиславом Ван-

к этому изданному писателем прилагает целый ряд очерков, среди них и широкоизвестный — о тяжелом деле Анны Буркало. А через два года Ольбрахт выпускает следующую свою книгу на закарпатскую тематику «Голет в долине» (украинский перевод С. Панько «Сумні очі Ганни Караджичевої», «Карпати», 1973 г.). Иван Ольбрахт в полную силу своего таланта воспедал карпатский край, ставший ему родным, показал миру трагедию трудящихся под сапогом буржуазии. Закарпатский период его творчества был, как никогда, плодотворным. Он озаглавил собой новый творческий взлет писателя, обогатил не только чешскую, но и общечеловеческую культуру прекрасными жемчужинами художественной литературы.

Н. КОПЫСТЯНСКАЯ, кандидат филологических наук, доцент Львовского государственного университета им. Ивана Франко.

или это отнюдь не пожимая, а люди среднего возраста, молодые, которые, разумеется, не могли видеть писателя. Однако слышаны были об Ольбрахте от своих отцов, дедов и это стало для них как бы дорогой легендой. А уж те, кто постарше, так те просто не отступают. Обязательно помню хату старого Глейзера, где жил писатель, полонины Дарвайку, Стрымбу, где он любил разбивать палатку. А как о своих встречах с Ольбрахтом станут говорить, так их рассказы научатся таким же, как и я, слыно только вчера и состоялись эти встречи.

Словом, я глубоко убедился, что Ольбрахт живет в сердцах колочанцев.

До глубины души рад, что друзья наши, народы, наших культур имеет глубокое корни. А Иван Ольбрахт в этом братском единении разросся вечнозеленым раскидистым деревом.

Почти тридцать ТОВАРЕМ, почетный член пенколлегии Голубинской восьмилетки, писатель, г. Евинчик.

Мне выпало бывать в Колочае тогда же, когда и Ольбрахту, — в 1936 году. Взоимал на полонину дарвайку, любовался красотой природы и в то же время унакался замкнутой аду не только в самой Колочае, но и в других верховинских селах. В те времена я, молодой учитель, работал в Голубином на Свалявщине, в школе. Проживая в Ольбрахта произвели на меня большое впечатление. Особенно «Земля без имени» и «Николай Шугай, разбойник». И не только потому, что написаны они на высоком художественном уровне, но и потому, что Ольбрахт, которому воссоздал Ольбрахт, я имел возможность проникнуться в Колочае.

В советское время я очень часто наведывался в те края, ставшие с давних пор для меня родными — на Свалявщину. Однако не упускаю возможности глянуть и на Колочае. Недавно моя поездка в этот поселок значительно обогатила мои прежние впечатления, которые я неспешно и постепенно изложил на бумаге.

Много лет во мне живет душа Колочава, а вместе с ней и мой и ваш, дорогие братья-закарпатцы, Иван Ольбрахт.

Анна СЛАБОШИЦКАЯ, пенсионерка г. Бараново. Родилась я на Верховине, в Вышнем Быстром бывшего Волоского, ныне Межгорского района. В конце 30-х годов она оказалась в родных краях моего мужа. Ныне, в день столетнего юбилея Ивана Ольбрахта, я невольно перенеслась в то далекое время, когда чешский писатель вместе с Владиславом Ванчурой и Карелом Новым руководили съемками фильма, в центре которого оказалась моя девичья фамилия, исполняя роль невесты Марийки. Благодаря Ивану Ольбрахту я, простая верховинка из бедной многодетной семьи (всех нас было восемь), приобщилась к великому искусству кино.

Ольбрахт был доволен моей игрой и очень хотел, чтобы я училась на актрису, с финансами он, значит, поможет. Но разве отец мог согласиться на то, чтобы я, старшая в семье, ушла из дому? Кто-то смеялся, но тогда по хозяйству? Нет, не пришлось мне учиться, тогдашние невыносимые условия республики господ не дали.

Низко склоняюсь перед светлой памятью человека, который в те далекие горькие времена заседал добром мою родную Верховину.

во Ольбрахте были также всегда в фокусе работы.

Впоследствии, когда уже «Неверная Марийка» собирала тысячи и тысячи зрителей, мне снова довелось встретиться с Ольбрахтом. В 1936 году он приехал на Верховину не один, как раньше, а с женой Ярославой. Я, тогда уже учитель Волоской народной (начальной) школы, с другом Петром Шкирой провели с дорогими гостями не один летний день на полонинах Героговища, где у каждого из нас было временное жилище — палатка.

Все встречи с Ольбрахтом дороги мне. А та, первая, в 1933 году, — самая дорогая. И, наверное, потому, что я своим скромным трудом помог Ольбрахту в его творчестве — в рождении фильма «Неверная Марийка».

Ольбрахт дожил до нашего освобождения и воссоединения с родной матерью — Советской Украиной в семье братских народов СССР. Правда, уже не смог приехать на нашу землю — не позволило состояние здоровья. Но своим сердцем он навсегда остался среди нас, горелой, — так любовно он называл жителей наших высоких гор.

Н. СКИРА, участник съемок фильма «Неверная Марийка», учитель-пенсионер, с. Воингово, Тячевского района.

НА СНИМКЕ: Иван Ольбрахт и Владислав Ванчура на съемках фильма «Неверная Марийка» в Колочае в 1933 году. Закамерой — оператор Ярослав Бланек.

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ 1933-ий

синский» фильм «Неверная Марийка». А этот художавый — писатель Карел Новый, уже подготовленный. Вот-вот должен приехать известный уже в то время кинорежиссер и писатель Владислав Ванчура и привезти из практической киностудии «добро» на съемки фильма. А кинооператор Ярослав Блажек с помощником и продюсером господином Колда уже прохаживались по улицам Колочаы, подыскивая лучшие места для съемок. Однако я смутился.

Как это сниматься в роли любовника Марийки Данила? — переспросил я. — Разве я артист? Ольбрахт на это ответил:

— Как раз артистов нам и не надо. Мы хотим снять жизнь не на профессиональную игру. И ты, Николай, нам в этом поможешь...

Были еще каникулы, однако в моем распоряжении оставалось не так много свободных от учебы дней. Я уже считался второклассником Ужгородской учительской семинарии. Поэтому мои сцены снимали в первую очередь.

К съемкам «Неверной Марийки» были привлечены и другие жители Колочаы и окрестных сел: Анна Шкелева из Вышнего Быстрого, бабушка Двордяка из Колочаы, керон Дербак, тоже из этого села, и другие.

Иван Ольбрахт присутство-

вал на съемках каждый день. Давал свои советы, а иногда настаивал и на повторении отдельных сцен. Помню, как сцена ссоры с Петром Бирчаком, мужем моей любимой Марийки, у меня не очень клеилась. Петр должен был сбросить меня в реку с бокора, и я должен был тонуть. Вода, хотя еще и стояла август, на Верховине уже была холодная, и я тут же должен был переодеваться. Ольбрахт, вспоминается мне, сбросил с себя серый свой пиджак и накинул на меня, приговаривая: «Погрейся, Николай, еще раз надо попопробовать...».

Потом были павильонные съемки на пражской студии «Баррандов», где мудрое сло-

во Ольбрахте были также всегда в фокусе работы. Впоследствии, когда уже «Неверная Марийка» собирала тысячи и тысячи зрителей, мне снова довелось встретиться с Ольбрахтом. В 1936 году он приехал на Верховину не один, как раньше, а с женой Ярославой. Я, тогда уже учитель Волоской народной (начальной) школы, с другом Петром Шкирой провели с дорогими гостями не один летний день на полонинах Героговища, где у каждого из нас было временное жилище — палатка.

Все встречи с Ольбрахтом дороги мне. А та, первая, в 1933 году, — самая дорогая. И, наверное, потому, что я своим скромным трудом помог Ольбрахту в его творчестве — в рождении фильма «Неверная Марийка».

Ольбрахт дожил до нашего освобождения и воссоединения с родной матерью — Советской Украиной в семье братских народов СССР. Правда, уже не смог приехать на нашу землю — не позволило состояние здоровья. Но своим сердцем он навсегда остался среди нас, горелой, — так любовно он называл жителей наших высоких гор.

Н. СКИРА, участник съемок фильма «Неверная Марийка», учитель-пенсионер, с. Воингово, Тячевского района.

НА СНИМКЕ: Иван Ольбрахт и Владислав Ванчура на съемках фильма «Неверная Марийка» в Колочае в 1933 году. Закамерой — оператор Ярослав Бланек.

Живой и зримый. Именно таким он и остался в сердцах колочанцев. В памяти гор. Он прописался в них бессмертными своими книгами «Земля без имени», «Николай Шугай, разбойник», «Горы и столетия», «Голет в долине», фильмом «Неверная Марийка» и другими.

Он прописался своей беспримерной жизнью и в моем сердце. Как писатель. Как человек. Как коммунист!

Много творческих дум я провел в диалоге с Иваном Ольбрахтом. Советовался с ним, сверялся, слушал его. Все сердца моих земляков, в которых он остался жить, память моих гор помогали мне писать роман «Колочава», главным персонажем которого является Иван Ольбрахт.

Это мой скромный кирпич в тот свя-

нуж, шепнул: «Мы же еще увидимся».

А увидимся ли! — словно спрашивали мы все немими взглядами. Война ведь разгоралась. В ее пламени сгорала жизнь лучших людей Чехословакии того времени. Фашисты казнили Юлиуса Фучика, Владислава Ванчуру — двух лучших друзей Ольбрахта. Горело в смертельном пламени Лидице.

А с Ольбрахтом мы все же увиделись. Напророчили!

Сидим, помнится, как сейчас, уже в пустой квартире — все вещи собраны в путь. А тут — дяденька Камилл. Как всегда, сияющие добротой глаза, сердечная улыбка. Та, послевоенная встреча с ним была словно сказочная, как говорится, с неба нам счастье свалилось. Не могли тогда на-

говориться, нарадоваться, что снова, да еще после такой военной бури, встретились все вместе.

С того далекого прощального дня прошло уже много лет. Однако Ольбрахт в нашем сознании, в наших сердцах остался навсегда. Он живет среди нас не только подаренными нам фотографиями и книгами своими с теплыми автографами, которые мы считаем дорогими реликвиями. Он среди нас всех своими великими делами. Своим памятным словом.

Бессмертный дядя Камилл. Н. ГОШОВСКИЙ, терапевт Ужгородского городского поликлиники, г. ГОШОВСКИЙ, педагог-пенсионер, кандидат искусствоведения.

БЫЛА печальная карпатская осень. Под порывистым ветром клонили свои косматые головы ясени, раскачивались столетние богатыри — дубы, гнулись, поскрипывая ветвями, нежные березки, как бы оплакивая невозвратимые уже поgone дни.

С высоких вершин Ружи, Стрымбы, Дарвайки слетали золотые листья и растоптали на долинах и дорогах своих подножий красочные ковры.

В глубокой задумчивости, сидя на подвое Петра Шугая, отца славного верховинского опришки Николая, по такому вот красочному ковру печальным осенним днем 1936 года уезжал из Колочаы Иван Ольбрахт.

А вокруг растстались опустелые поля, далеко, за третьей горой, рыдала чабанская трембита.

То был и впрямь печальный день печальной осени: Ольбрахт покидал Колочау. В тот день он видел ее в последний раз.

И Колочава его — тоже...

Когда Ольбрахт жил и творил в этом убогом селе, в селе XI века, где «живые завидовали мертвым, а мертвые были счастливы, что уже не живут», где каждый день на кладбище вырастало по два-три холмика с березовыми крестами, где не переставали плакать колокола смерти, я только родился. Мне, следовательно, не довелось видеть живого Ольбрахта, не довелось слышать его мудрое слово.

Не суждено мне это было временем. Но жизнь впоследствии распорядилась иначе: я встретился — так с Ольбрахтом. Это тоже было осенним днем. Вокруг ковров растстались золотая листва. Моя журналистская тропка вела меня на Сухар, околицу Колочаы, к бывшей жене опришки Николая Шугая — Эржики. И тут-то я и почувствовал свою первую встречу (желанную встре-

чу!) с Ольбрахтом. Впрочем, встреча с писателем благодаря его прославленным книгам состоялась еще раньше. Но то было совершенно иное. В Колочае я ощутил живого Ольбрахта в сердце покойной уже верховинки Эржики, которой вместе со своим возлюбленным Николаем было суждено стать главными персонажами известного романа «Николай Шугай, разбойник». Признаться, я ожидал услышать от Эржики первое слово о ее Николае. А Эржики рассказывала только об Ольбрахте.

После этой встречи с Эржики были еще. С ней, со старожилками, которые вместе с Ольбрахтом рыбачили в Колодавке и Теребле, «племянниками» писателя, которых в Колочае десятки. И Ольбрахт передо мной предстал уже живым и зримым.

В 1977 году, когда пражская киносту-

дия «Баррандов» подарила Закарпатскому кинопрокату фильм «Неверная Марийка» и его привезли в Колочау для показа, я как бы почувствовал, что спустя многие годы в просторной сельской клуб со своим неразлучным друзьями Владиславом Ванчурой и Карелом Новым вошел Ольбрахт. И вот они, творцы первого «русинского» фильма, среди колочанцев!

После волнующего просмотра состоялась пресс-конференция. И она для меня проходила не без Ольбрахта. Он явственно оживал в воспоминаниях тогда еще живого пенсионера — лесоруба Михаила Дербака, который играл в фильме, в слове Николая Скиры, тоже уже пенсионера, прекрасно сыгравшего Данила — возлюбленного невесты Марийки.

Среди нас был живой Иван Ольбрахт.

ПАМЯТЬ МОИХ ГОР